

ОЧАРОВАННЫ СВЕЖЕСТЬЮ ИСКУССТВА

Уши моими выстывает в Милве Мосимаский художественный академический театр имени М. Горького. И, хотя спектакли прославленные и талантливые идут одновременно на трех сценах, все равно билеты на них достаются с трудом. Иными уже высталили да и будут еще выстывать с анализом спектаклей МХАТ, на самом веское слово все же принадлежит зрителю.

А. ГАШИНСКИЙ, народный артист УССР

Художественный театр — это мое сердце, моя жизнь. Это моя первая любовь, она создалась во мне. Я влюбился в театр в 1942 году, а студент второго курса Государственного института театрального искусства, был зачислен в МХАТ вместе с институтом в Севастополе, где тогда находился МХАТ. Получить билеты в театр в то время нам, студентам, было не по карману, и я пустился на хитрости. Зимними вечерами, когда мороз достигал 30 градусов, в одном костюмчике и шапке я бежал из общежития (благо оно располагалось недалеко) в театр. Был антракт, и я, спрятав в карман шапку, промывавший мимо контролеров, перелезал на второй акт спектакля. Так впервые в жизни я увидел мхатовских «Троих сестер». Это было огромное нравственное потрясение и неповторимое эстетическое наслаждение. Помимо и первые величайшие образы, созданные Хмелевым, Тарасовой, Степановой, Гривовым, Добролюбовым. Еще и сейчас, четверть века спустя, живя в памяти сердце, то огромное душевное волнение, которое вождал спектакль.

Я задумался, зачем я пришел в этот театр и устроился туда рабочим сцены. Очарованность человеческой его ис-

Д. ЧАЙКОВСКИЙ, заслуженный артист УССР, режиссер

Художественный театр — мой любимый. Я принял его истинную платформу. Она мне близка, несмотря на все новации, существующие в наше время. Жизнь только мы не смотрелись спектаклей, отмеченных этими новациями! В голове зрителя гремит и мелькает. Он ошеломлен, поражен, огулен. «Вот он, новый театр», — думает зритель.

И вот он попадает на спектакль, где играет Алла Тарасова или Алексей Гривов, или Борис Ливанов. Зритель смеется, плачет и уходит потрясенный. Нет шума, niente шумирится, не слухается в зрительный зал. И оформление не сцене настоящее. И даже занавес открывается и закрывается. Не в конце спектакля занавес открывается и закрывается столько раз, сколько в этом театре — за несколько лет. Зритель уходит потрясенный и думает: все-таки старое искусство сильнее.

А это не старое. Это та самая вечная новое искусство. Настоящее искусство!

Что мне дорого в МХАТ? Психологическая точность, глубокая разработка старого плаката, жизнь за тонами. То, что театр показывает богатство человеческой жизни, непреходящие человеческие ценности. Дорогие человеческие страсти и человеческая общность вместо милого быта и дешевой правдоподобности. И та, что они скромны и не назойливы в своих проявлениях. В их спектаклях нет унизующего паритета, требующего внимания

к преподносимым истинам. Классики они читают всегда свежими глазами, не без выводов и фокусов.

Третью жизнь переживает на сцене мхатовская «Чайка». И каждый раз в ней есть что-то новое. Так и на этот раз: основной темой пьесы стала борьба с фальшью, ложью, стремления и добру.

Дорого то, что сущностью этого театра стали три правды: правда жизненная, социальная и правда искусства.

В. ИВАНОВА, министер завед «Искусство»

Художественный театр — это особый театр. Театр широким мыслям, глубоким гуманистическим идеям, высокой артистической техникой, великой русской словесностью.

Я смотрела несильно спектаклей: «Взрослые женщины», «Три сестры», «Егор Булычов». Нет, это не музыкальные, а истинные жизни замечательных мыслей! Островский, Чехов, Голынский, а вместе с ними и театр, воплотили на сцене жизнь человеческого духа, а это не старое, не перестает быть интересным. И мы, зрители, оставшиеся надежды с человеческой душой, идеализм заветными переживаниями чужой жизни, чужой мысли. Вот почему в зале царит такое чудное тишина, которая бывает, когда слушаешь музыку. Мы, зрители, верим образам мхатовских спектаклей, из борьбы, мучительности, жадности. Мы верим, что они живут, думают, надеются.

От имени сцене идеализм, побывавших на спектаклях, я хочу сказать: мы радуемся та-

лантам и мастерству артистов и режиссеров и примем им дань любви и уважения.

М. КАЛИКА, слесарь-механик фабрики имени Смирнова-Ласточкина

Когда уходишь со спектакля, долго думаешь о том, что дал тебе театр. Встанет в сознании образы, увиденные на сцене, оставшиеся глубокий след в душе.

В спектакле «Кремлевские куренты» меня сначала удивило, что в программе значилась фамилия незначимого мне артиста С. Яковлева. Я внимательно наблюдал за ним, когда он шаг за шагом раскрывал зрителям образ Владимира Ильича. Сначала я искал, как это обычно бывает, портретное сходство. Потом заинтересовала меня уже не внешность, а внутренний мир Ленина. Я увидел, как актер рисует черты характера Ильича, его душевное состояние. И на сцене выросла фигура Ленина, удивительно всякая, четкая, во всей его величии простота и человечность.

С. Яковлев словно дал нам услышать ленинские слова. Я понимаю, что артист создал образ Ленина на материале пьесы, что он воплотил замысел драматурга и режиссера, что этот образ — уловка всего театра. Но мне кажется, что только в МХАТ возможно, чтобы молодой актер показал нам такого Ильича — идеального вождя, человека мудрой мысли и гениальной презорливости.

Ю. ЛИТИНСКАЯ, педагог

Моя мать, страстная театралка, часто рассказывала мне,

как до революции во время гастролей Художественного театра, студенты выпрашивали лошадей из экипажей и на себе возили после спектаклей домой изумивших их актеров, как старые люди, стоя в зале с выключенным светом, до хрипоты в голосе вызвали любимых артистов.

Я в молодости, тридцать летя лет тому назад, сама простояла дни и ночи в бесконечных очередях у театральные масс, чтобы получить билеты на МХАТ. И как радуется сердца, видя, что пламя энтузиастов театра — живо, что на далеких подступах к зданию, где проходит спектакль, вас встречают теплые люди, обращающиеся со стандартным вопросом: нет ли лишнего билета!

Да, конечно, нельзя пропустить спектакли, в которых играют звезды МХАТ — Тарасова, Ливанов, Белокурова, Гривов, Степанова и многие другие. Нельзя, потому что их искусство разъясняет и украшает жизнь.

Безусловно, театр — это кафедр. Но беда многих наших спектаклей и фильмов как раз в том, что они берут на себя только учительские функции, забывая, что искусство в первую очередь должно доставлять радость и наслаждение, что его призвание — потрясать души людей. На спектаклях «Егор Булычов» со сцены произносились, назвались бы, обычный текст, или на сцене пауза, или как будто обыкновенная мизансцена, а зал — весь вдруг — не шевелится, не дышит, плачет, благодарно смеется, восторженно рукоплещет.

Большая правда жизни, раскрывшая талантом художника, возмужала сердца.

Пожалуй, в эти потрясения — секрет неуязвимого успеха прекрасного молодого.